

В области научно-популярных изданий стои́т отметить второе издание книжки проф. К. Михаловского «Дельфы»¹, его же «Груд рудокопа и металлурга в древней Греции»², его же «Классическое искусство в век Перикла»³ и К. Маевского «Кноссы и Микены. У колыбели европейской цивилизации»⁴.

Национальный музей в Варшаве издал тщательно обработанный проф. К. Михаловским путеводитель по коллекции древнего искусства и несколько более мелких путеводителей по постоянным и передвижным выставкам древнего искусства.

В печати находятся каталоги античных памятников в польских музеях, энциклопедические разработки античной костюмологии и древней архитектуры, а также разработанная К. Маевским «Библиография античной археологии в Польше за 1800—1950 годы».

Таков краткий обзор послевоенной польской археологической литературы. Мы видим, что польская археология все еще не избавилась от буржуазного идеологического балласта, что она все еще погрязла в формализме, типологизме, этнизме, эрудиционизме и частных исследованиях. Налицо лишь скромные попытки вступить на тот широкий путь исследований, на котором уже находятся некоторые другие исторические дисциплины в Польше. Это путь усвоения диалектического и исторического материализма, чтобы вместе со всем польским народом включиться в строительство основ социализма.

К. Маевский

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ БОЛГАРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Советских историков и археологов живо интересуют достижения болгарской археологии. Весьма показательны идеологические сдвиги в развитии этой отрасли знания со времени установления народно-демократического строя в Болгарии. В этом отношении интересна происходившая летом 1950 г. научная археологическая сессия, организованная Археологическим институтом БАН. По своему характеру сессия резко отличалась от ранее проводившихся научных конференций подобного рода. Прежде всего интересно отметить значительно более широкий круг участников сессии: в ее работе приняли участие не только сотрудницы Академии наук, но и работники местных музеев Болгарии из городов Пловдива, Сталина, Коларовграда, Стара-Загора, Свиштов, Русе и других. Ученые различных специальностей, так или иначе связанных с археологией — историки, лингвисты, антропологи, зоологи, искусствоведы, — участвовали в обсуждении докладов и единодушно указывали на необходимость совместной работы.

Со времени первой археологической дискуссии о состоянии и задачах археологической науки, проводившейся в Болгарии в 1948 г.⁵, к моменту начала сессии прошло два года. Основные положения дискуссии 1948 г. сводились к следующему: 1. Болгарской археологической науке необходимо в ближайшее время вооружиться новым, правильным научным методом, используя опыт советской археологии. 2. Следует немедленно разоблачить антинаучные великоболгарские и фашистские фальсифика-

¹ К. M i c h a ł o w s k i, Delfy, ВМ, № 9, Варшава, 1949, 215 стр., с 96 рис.

² К. M i c h a ł o w s k i, Praca górника i hutnika w starożytnej Grecji, Варшава, 1949, 36 стр.

³ К. M i c h a ł o w s k i, Sztuka klasyczna w dobie Peryklesa, ВМ, № 10, Варшава, 1949.

⁴ К. M a j e w s k i, Knossos i Mykeny. U kolebki cywilizacji europejskiej, Варшава — Вроцлав, 1948, 65 стр. с 47 рис.

⁵ См. ВДИ, 1951, № 4, стр. 8.

ции, противоречащие исторической истине. 3. Болгарская археологическая наука должна перестать быть только историей искусства, каковой она была до сих пор, и обязана стать преимущественно историей материальной культуры. 4. Работу болгарских археологов необходимо вести по единому общегосударственному плану.

Созванная в 1950 г. сессия должна была не только подвести итоги археологических работ за два года, прошедшие со времени первой дискуссии, но и наметить пути дальнейшего развития археологии в Болгарии. Открывая сессию, председатель БАН Т. Павлов подчеркнул, что 5-й конгресс Болгарской коммунистической партии поставил перед болгарскими историками и археологами важнейшую задачу — написать краткую и популярную марксистско-ленинскую историю болгарского народа; сессия должна проверить, насколько болгарские ученые готовы к созданию этого научного труда, так как без использования богатых археологических материалов невозможно написать начальные главы истории Болгарии.

Первым был заслушан доклад директора БАН Кр. Миятева «Состояние болгарской археологической науки в 1948 и 1949 гг.». Основная часть доклада была посвящена характеристике раскопок последних двух лет в Болгарии. Данные доклада свидетельствуют о том, что вопрос о плановости археологических раскопок решен лишь частично: в то время как два крупнейших археологических учреждения — Болгарский археологический институт и Болгарский археологический музей — проводили раскопки в соответствии с пятилетним планом научной работы и исследовали те объекты, которые имеют решающее значение для истории Болгарии, периферийные музеи вели раскопки либо по своему собственному плану, либо же совсем без плана.

Археологические раскопки, проводившиеся в стране в 1948 и 1949 гг., охватывают время от неолита до позднего средневековья. Эпохи неолита и бронзы представлены материалами раскопок близ с. Караново Новоагорской околии, близ с. Кадокьой Силистрийской околии, близ г. Русе, у с. Кап.-Димитриево Пещерской околии и у с. Быково Новоагорской околии. Наиболее подробно докладчик остановился на характеристике раскопок в с. Караново, где обнаружено пять культурных слоев III—II тысячелетий до н. э. Такие же слои наблюдаются на других неолитических поселениях и поселениях бронзового века в Болгарии, а также на остальной территории Юго-Восточной Европы. Это дало возможность руководителю раскопок В. Микову установить периодизацию археологических культур неолитической эпохи на Юго-Востоке Европы¹.

Исследовались также фракийские поселения и некрополи, большинство которых относятся к V—III вв. до н. э. Наиболее интересное фракийское поселение было раскопано Д. П. Дмитриевым у с. Копринка Казаньшеской околии. Здесь обнаружено поселение и могильник IV—III вв. до н. э., найдена местная керамика латенского типа, фракийская керамика греческих форм и большое количество греческой краснофигурной керамики. Наряду с богатыми захоронениями в купольных гробницах обнаружен некрополь рядового населения.

Раскопки, которые велись в Аполлонии, Одессе и Мессембрии, характеризуют культуру древнегреческих городов на западном побережье Понта. К сожалению, докладчик не остановился на характеристике этих чрезвычайно интересных материалов².

Исследованием объектов римского времени занимались археологи, раскапывавшие древний Эск (с. Гиген на Дунае). Здесь под руководством Т. Иванова был вскрыт окраинный квартал, где сохранились памятники частного и общественного быта рядового населения: торговые склады, улицы с канализацией, святилище, жилые постройки, часть городских стен.

Вопросы этногенеза и истории славян начинают занимать все большее место в болгарской исторической науке. Весьма существенны в этом отношении раскопки на городище Кадокьой, где обнаружены памятники от неолита до ранне-славянского

¹ См. ВДИ, 1950, № 2, стр. 190 сл.

² См. ВДИ, 1950, № 3, стр. 148—152

времени, богато представленного славянской керамикой, аналогичной керамике из Плиски. Продолжались также интенсивные раскопки в Плиске — центре первого Болгарского государства. Особенный интерес представляет здесь могила № 34, где было найдено погребение с трупосожжением, которое, судя по формам славянских керамических сосудов, должно быть датировано VII—IX вв. н. э. Этот памятник дает интересные сведения о погребальных обычаях, культуре и этнической принадлежности древней Плиски. Не менее интересны открытые во внешнем городе жилища, мастерские и маленькие церкви, которые, наряду со множеством настенных рисунков, характеризуют экономику, социальные отношения и быт древней Плиски.

К сожалению, Кр. Миятев недостаточно равномерно характеризовал раскопки; в то время как некоторые раскопки освещены сравнительно подробно (например, раскопки В. Микова в с. Караново), материал других не менее существенных археологических объектов почти совсем не охарактеризован (раскопки Ив. Венедиктова в Аполлонии). Тем не менее, даже на основании неполных данных, совершенно очевиден большой размах полевых археологических работ за последние годы.

Новой чертой раскопочно-исследовательской деятельности следует считать особое внимание, уделяемое болгарскими археологами памятникам материальной культуры и быта рядового местного населения; в этом видно претворение в жизнь решений дискуссии 1948 г. о превращении археологической науки из искусствоведческой дисциплины в историческую. Время, когда в Болгарии изучались исключительно дворцы, гробницы арстократов и отдельные наиболее выдающиеся предметы искусства (главным образом привозные), безвозвратно миновало.

Поэтому Кр. Миятев совершенно правильно осудил пренебрежительное отношение к находкам местной грубой керамики, имевшее место при раскопках древней Аполлонии. Такое отношение вытекает из неправильного понимания роли массового археологического материала, в частности местной керамики, как ценнейшего археологического источника. При тщательной работе над местной керамикой она дает не только материал для датировки, но служит прекрасным источником для характеристики уровня развития местного производства, этнического состава населения и т. д.¹

Однако было бы неправильно отрицать значение расписной привозной греческой керамики, которая, помимо чисто искусствоведческой ценности, является важным источником для характеристики торговых связей западного берега Понта и внутренних областей страны со всем эллинистическим миром.

Кр. Миятев обратил особое внимание на методику раскопок, которая еще слабо разработана в Болгарии: раскопки часто ведутся узкими траншеями даже тогда, когда в этом нет никакой необходимости, причем стратиграфия слоев не прослеживается; иногда слабо поставлена полевая документация. Тем не менее и в области методики раскопок можно отметить определенный сдвиг: используя опыт советских археологов, болгарские ученые на ряде объектов уже ведут раскопки большими площадями, прослеживая слои (раскопки Д. П. Димитрова в Копринке), точно фиксируют находки, четко ведут полевые дневники, применяют аэрофотосъемку.

При обсуждении доклада Миятева отмечалось, что его разделы «Печатная продукция», «Борьба на идеологическом фронте», «Популяризаторская деятельность», «Научные доклады», «Кадры» не осветили в нужной мере положения в болгарской археологической науке. Особенное внимание выступавших во время прений было обращено на печатную продукцию болгарских археологов. За два отчетных года было выпущено два тома (тт. XVI и XVII) «Известия на Българския археологически институт», три выпуска (кн. I—III) под названием «Разкопки и проучвания», «Годишник на Народния археологически музей Пловдив» (кн. I), «Годишник на Софийския университет» (кн. XLIII). Статьи археологического характера публиковались в «Известия на историческото дружество» (кн. XXII—XXIV), в «Го-

¹ См. Т. Н. Кипович, Керамика местного производства из раскопа «И», Сб. «Ольвия»; И. Т. Круглова, Фанагорийская местная керамика из грубой глины, МИА, вып. XIX.

дишник на Библиографския институт» (кн. I) и «Трудове на секцията за славянска археология» при БАИ (кн. II). Большинство статей, помещенных в этих сборниках, является публикацией тех или иных археологических памятников и носит описательный характер, некоторые из них касаются отдельных частных вопросов истории древней Болгарии; зато некоторые работы могут рассматриваться как исследования обобщающего характера (В. М и к о в, Българските земи в края на неолитата епоха; Кр. М и я т е в, Славянска керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балкана). Вопросам социально-экономического развития посвящено несколько статей Хр. М. Д а н о в а и Д. П. Д и м и т р о в а. Таким образом, печатная продукция болгарских археологов за 1948 и 1949 гг. еще во многом отставала от тех задач, которые стоят перед болгарской археологической наукой, и в массе своей отражала процесс накопления и освоения археологического материала.

Лишь после дискуссии 1948 г. подавляющее большинство археологов Болгарии приступило к осмыслению накопленного материала в духе марксистско-ленинской идеологии. Об этом свидетельствуют, как это явствует из многочисленных высказываний на сессии, и горячее желание глубоко изучить труды классиков марксизма-ленинизма, особенно работы И. В. Сталина, и то внимание, с которым относятся болгарские археологи к работам историко-археологического характера, вышедшим в СССР, и та глубокая разоблачающая критика, которой были подвергнуты работы реакционных историков. Проведенная работа даст болгарским ученым возможность в самое ближайшее время приступить к написанию соответствующих разделов марксистско-ленинской истории Болгарии. В этом отношении значительно больше дает доклад чл.-корр. БАН Д. П. Д и м и т р о в а. В его докладе «Современные задачи болгарской археологии» ставились принципиально важные вопросы болгарской археологической науки. Д. П. Димитров подчеркнул, что основной задачей болгарских археологов является освоение марксистско-ленинской теории и применение ее положений в своих исследованиях. Большое внимание докладчик уделил изучению достижений советских археологов, их опыта, методов полевой и исследовательской работы. Важнейшей задачей болгарских археологов является решительный пересмотр положений старой, буржуазной науки. Болгарская археология обладает большим литературным наследством. Труды прогрессивных болгарских археологов, среди которых, прежде всего, следует отметить работы старейшего болгарского антиковеда, лауреата димитровской премии — Г. Кацарова, должны войти в фонд болгарской исторической литературы.

Как уже отмечалось выше, во время дискуссии 1948 г. одной из основных задач болгарских археологов была признана необходимость решительного разоблачения антинаучных фашистских концепций Филова. Докладчик отметил антиславянскую, по существу антисоветскую, направленность работ Б. Филова, который в течение 30 лет был диктатором в болгарской исторической науке. Эта реакционная направленность наиболее ярко проявилась в статьях Филова, касающихся роли протоболгар в создании Болгарского государства. Д. П. Димитров правильно подчеркнул великоболгарский шовинизм Филова и указал на антинаучный, реакционный характер его утверждений. Новые исследования болгарских¹ и советских² ученых в области изучения древнейшего периода истории Болгарии дают возможность судить о том, что к моменту прихода на Балканский полуостров протоболгар, стоявших на ступени перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу, славяне находились на более высоком хозяйственном (развитое оседлое земледельческое хозяйство), социальном (государство) и культурном уровне развития. Этим обстоятельством и следует объяснять быструю ассимиляцию протоболгар славянами.

¹ В. Н и к о л а е в, Един паметник на Ахеменидите в България (цитирую по работе С. А. Н и к и т и н а, ВМГУ, № 1, 1952, стр. 152, сн. 3); Д. К р ъ н д ж а л о в, Валовете в Добруджа и Бесарабия и фалшива прабългарската теория, София, 1948; А. Б у р м о в, Въпроси из история на прабългарите, ГСУ, XLIV, кн. 2, 1947/48 г.; о н ѝ ж е, Към въпроса за произхода на прабългарите, ИВИД, кн. 22/23, 1948.

² С. А. Н и к и т и н, Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства, ВМГУ, № 1, 1952.

Не менее вредно «наследие» Филова в античной археологии. Именно Филлов возглавлял имевшую место в довоенной болгарской археологии тенденцию видеть в греческой, а потом в римской, главным образом военной, политике на Дунае причину и «стимул социально-экономического развития Придунайских областей». Филлов игнорировал развитие внутренних производительных сил фракийского общества, умалчивал об ограблении и жестокой эксплуатации местного населения римлянами-завоевателями и отрицал героическую борьбу фракийских племен с ними. Пересмотр такого рода утверждений является неотложной задачей болгарских ученых. Очевидно, излишняя скромность помешала Д. П. Димитрову отметить, что болгарская историческая мысль начала успешно работать в этом направлении; ведь сам докладчик, наряду с другими ведущими болгарскими историками, является автором исследований о социально-экономическом развитии фракийцев и об их героической борьбе с римлянами.

Таким образом, можно отметить, что за два года, прошедших со времени археологической дискуссии 1948 г., болгарские археологи проделали значительную работу по разоблачению и опровержению фашистских теорий. Однако потребуется еще много усилий для того, чтобы окончательно изжить остатки тяжелого фашистского наследия в болгарской истории и археологии.

Д. П. Димитров указал, что в археологической книжной продукции часто не чувствуется подхода к археологическому памятнику, как к историческому источнику, а во многих статьях только публикуются находки, без попыток поставить или разрешить важные исторические проблемы. К этому правильному положению Д. П. Димитрова можно только добавить, что, наряду с работами обобщающего характера, и археологические публикации, особенно публикации массового археологического материала, должным образом комментированного, безусловно необходимы: хорошая археологическая публикация дает возможность широкому кругу ученых включить новый материал в научный обиход, и чем больше будет таких публикаций, тем шире возможность глубоких исторических обобщений. С полным основанием докладчик поставил перед болгарскими археологами задачу борьбы с некритическим отношением к современной буржуазной исторической продукции; рецензии, помещаемые в болгарских журналах, до сих пор носят чисто информационный, некритический характер. В заключение доклада Д. П. Димитров подчеркнул роль, которую должны играть музеи в распространении подлинно научных исторических знаний среди населения.

Говоря об идейно-теоретическом состоянии болгарской археологии к моменту вхождения сессии, следует отметить, что ряд высказываний докладчиков и их оппонентов носил следы влияния «теории» Н. Я. Марра. В основном это влияние в явной или завуалированной форме проявлялось в отрицании миграций.

Большой интерес участников сессии вызвало выступление чл.-корр. БАН — Вл. Георгиева, в котором он критиковал ряд положений Н. Я. Марра и предложил в общих чертах правильное решение вопросов, связанных с появлением славян на Балканском полуострове (стр. 240—242).

Немало внимания сессия уделила вопросам, связанным с развитием музейного дела в Болгарии. Этому был посвящен доклад Т. Герасимова и многочисленные выступления в прениях. Созданные в конце XIX и начале XX в. главным образом по частной инициативе болгарские музеи вплоть до 1944 г. были предоставлены самим себе, не получали постоянной материальной помощи и существовали за счет пожертвований. Главными поставщиками их коллекций были местные преподаватели и ученики, любители старины. Большинство доставленных предметов было найдено на поверхности земли или же при пахоте, рытье фундаментов и т. д. Не только провинциальные музеи, но даже Софийский музей не имели специальных помещений и располагались в самых неподходящих местах — в мечетях, в подвалах гимназий, магазинах. Подавляющее большинство музейных работников не имели специального образования. Несмотря на неблагоприятные условия существования, болгарские музеи сыграли положительную роль, так как ими были спасены от неминуемого расхищения или порчи ценнейшие памятники материальной культуры и искусства Болгарии.

9 сентября 1944 г. самым благотворным образом отразилось на судьбе болгарских музеев. Из кунсткамер, какими они по существу были до 1944 г., музеи превратились в научные учреждения, ставящие своей целью изучение памятников материальной культуры и искусства Болгарии от древнейших времен до эпохи позднего феодализма. Музеи ведут теперь широкую идейно-политическую работу с населением. Значительно возросло число болгарских археологических музеев, превратившихся в государственные учреждения. Помимо археологического музея в Софии, вошедшего в 1949 г. в состав БАН, на местном бюджете состояли в 1950 г. музеи в городах Пловдиве, Сталине, Коларовграде, Лом, Свиштове, Тырново, Русе, Казанлыке, Бургасе, Ловече, Видин, Самоков, Стара-Загора, Нова-Загора, Габрово, Панагюриште, Силистра, Разград, Сандански, Стрелча. Музеи пользуются большой популярностью.

На сессии был зачитан доклад научного сотрудника БАИ архитектора Б. Пганатова — «Сохранение древностей Болгарии», постановка которого свидетельствует о большом внимании, с которым в Болгарии относятся к памятникам старины.

В заключение следует сказать несколько слов о книге, посвященной данной научной сессии БАИ¹. Книга представляет собой стенограммы докладов и выступлений участников на сессии. В дальнейших изданиях подобного рода желательно избегать излишних длиннот и повторений, прилагать списки принятых сокращений и обратить большее внимание на качество прилагаемых иллюстраций. Ведь вышедшие в последнее время издания трудов по археологии свидетельствуют о значительном прогрессе печатного дела в Болгарии.

Т. Д. Златковская

R. TAUBENSCHLAG, The law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri, 332 B. C.—640 A. D., Vol. II, Political and administrative law. Eus supplementa, vol. 19. Warsaw, 1948, 124 стр.

Вышедший в 1944 году в Нью-Йорке первый том обширного труда по греко-римскому праву в Египте известного польского ученого, профессора Варшавского университета Р. Таубеншлага освещал вопросы частного права, уголовного права и судопроизводства. В нем рассмотрена также общая проблема взаимосвязи египетского, греческого и римского права². Рецензируемый второй том, вышедший в Варшаве в 1948 г. в издании Польского филологического общества, посвящен вопросам конституционного и административного права. Второй том содержит богатейший фактический материал, почерпнутый из греческих и латинских папирусов, и свидетельствует об огромной источниковедческой эрудиции автора и о тщательном учете им всей колоссальной литературы вопроса.

Работа начинается с обширного перечня литературы предмета, приводимой также в начале каждой главы. Каждое положение автора снабжено обильными ссылками на документы и литературу. В конце книги (стр. 107—117) приложен перечень греческих и латинских папирусов и других источников (остраконы, надписи, литературные источники). Автором учтены наши отечественные издания папирусов³ и специальные труды русских ученых (например, работы проф. М. Хвостова). К сожалению, в недостаточной степени привлекаются демотические папирусы, столь необходимые для сводной работы по египетскому праву эллинистическо-римского периода. Правда, демотические папирусы пока мало разработаны и в большинстве своем недоступны широкому кругу исследователей⁴.

¹ Първа научна сесия на Археологическия институт, София, 1950.

² См. ВДИ, 1948, № 2, стр. 110—116.

³ Papyri russischer und georgischer Sammlungen, I—V, 1925—1935.

⁴ Число специалистов по демотике вообще весьма ограничено. Имеющиеся среди наших востоковедов редкие специалисты в этой области, к сожалению, пока еще не уделяют должного внимания данному богатому источнику по истории и праву коренного египетского населения.